

КАК ВЫМИРАЕТ БЛАГОПОЛУЧНАЯ» РОССИЯ: ПРИЧИНЫ, ДИНАМИКА, ТЕНДЕНЦИИ

М.Г.Делягин

СОДЕРЖАНИЕ

Резюме. Национальная катастрофа продолжается.....	2
1. Ключевые факторы естественного движения населения.....	4
2. Региональные аспекты демографической ситуации.....	8
2.1. <i>Естественное движение населения, рождаемость и смертность.....</i>	<i>8</i>
2.2. <i>Младенческая смертность.....</i>	<i>10</i>
2.3. <i>Насильственные смерти.....</i>	<i>11</i>
2.4. <i>Браки и разводы.....</i>	<i>12</i>
2.5. <i>Текущая демографическая ситуация: наиболее и наименее благополучные регионы России.....</i>	<i>13</i>
3. Влияние демографической динамики на социально-экономическую политику и будущее России.....	15
4. Некоторые необходимые меры демографической политики.....	18
Заключение. Возможен ли перелом негативных демографических тенденций без смены государственного строя?.....	19

Резюме. НАЦИОНАЛЬНАЯ КАТАСТРОФА ПРОДОЛЖАЕТСЯ

1. Вымирание России обусловлено искусственным удержанием основной массы населения в бедности, разрушением общественного здоровья и морали в целях развития бизнеса, лишением основной массы населения уверенности в завтрашнем дне и самого смысла существования.

Улучшение демографической ситуации в 2000-х годах вызвано ростом уровня жизни, реализацией отложенных в 90-е годы планов по рождению детей, выходом в активную жизнь «поколения Горбачева». Два первых фактора уже не действует, третий существенно ослаблен.

Это делает неизбежным ухудшение демографической ситуации в 2010-е годы.

2. Регионы России с наилучшим демографическим положением: Ингушетия, Чечня, Дагестан, Тыва, Санкт-Петербург, Москва, Карачаево-Черкесия, Ханты-Мансийский АО, Омская область, Красноярский край.

Регионы России с наихудшим демографическим положением: Чукотский АО, Еврейская АО, Ненецкий АО, Нижегородская область, Приморский край, Камчатский край, Курганская, Амурская, Орловская и Ивановская области.

3. Масштабы изменения этнокультурного баланса наглядно видны из сопоставления наиболее быстро вымирающих и прирастающих населением регионов. Политические последствия этого продолжающегося демографического перелома очевидны. Весьма вероятно, что уже на нашей памяти на смену социальному противостоянию в России придет противостояние, хотя и не национальное, но этнокультурное – и это будет означать колоссальный шаг в деградации и архаизации всего российского общества.

Формируется новое общественное противоречие, которое грозит стать основным для России: между стареющими носителями русской культуры и профессиональных навыков, с одной стороны, и молодой «ликующей гопоты» и этнических кланов, опирающихся на молодую же и во многом криминальную «пехоту», с другой. Это противоречие грозит развернуть все наше историческое развитие из социально-экономической в средневековую национальную плоскость

Его вызревание ускоряется тем, что изменения в составе элиты идут значительно быстрее, чем в населении в целом: сплоченные эт-

нические кланы стремительно «вычищают» из власти разрозненных горожан даже там, где составляют незначительную часть населения.

Поскольку общество, подчиняясь элите, принимает ее обычаи и правила, это ведет к стремительной архаизации социального устройства, классическим проявлением которой стала расцветшая не более чем в 2000-е годы клановость и открытое назначение молодых детей высокопоставленных руководителей на ответственные должности, для которых те гарантированно не имеют нужного опыта.

Образованные носители русской культуры выдавливаются из страны созданием для них невыносимых коррупционных и клановых условий, с которым несовместима традиционная для русской технологической и управленческой культуры нацеленность на общественно значимый результат.

Следствие - **утрата Россией русского не только национального, но и культурного лица**, качественное изменение ее не только этнического, но и культурного состава: «старые мехи» российской территории наполняет «новое вино» в лице представителей кавказских и азиатских народов.

Утрата культуры в общечеловеческом плане неминуемо аукнется и в технологической сфере. Социальная и этническая архаизация неминуемо приведут к продолжению и углублению идущей 20 лет технологической деградации, которая может приобрести качественный характер в виде крупномасштабных техногенных катастроф даже без серьезных столкновений на этнокультурной почве.

4. Для перелома негативных демографических тенденций необходимо прекратить уничтожение России при помощи либеральных реформ и начать активно проводить социально-экономическую политику, нацеленную на интересы не глобального бизнеса и коррумпированной правящей тусовки, но самого российского общества.

Это потребует кардинального оздоровления российской государственности и преодоления ситуации, когда почти повсеместная и практически не скрывающаяся коррупция производит впечатление не преступления, но основы государственного строя.

1. КЛЮЧЕВЫЕ ФАКТОРЫ ЕСТЕСТВЕННОГО ДВИЖЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ

Вымирание населения России продолжается, несмотря на интенсивную официальную пропаганду.

Его минимальная скорость была достигнута в августе 2009 года, когда естественная убыль населения составила лишь 1 тыс.чел.. Но затем долговременные демографические «волны», обусловившие тогда минимальную смертность при максимальной рождаемости, начали расходиться, и надежды безграмотной части бюрократии на нормализацию ситуации и прекращение вымирания не оправдались.

В первой половине 2011 года естественная убыль населения (этот термин означает разницу между рождаемостью и смертностью и не несет содержательной нагрузки; так, он не означает, что россияне должны вымирать, и это естественно) номинально сократилась (со 142,2 до 138,8 тыс.чел.), однако в расчете на 1 тыс.чел. в силу общего сокращения населения ситуация не изменилась. После сокращения естественной убыли населения с 2,5 чел. на тысячу живущих (промилле) в первой половине 2009 года до 2,0 промилле в первой половине 2010 года в аналогичном периоде этого года естественная убыль осталась на уровне 2,0 промилле.

Рождаемость снизилась вместе со смертностью: первая с 12,3 до 11,9 промилле, вторая – с 14,3 до 13,9 промилле; таким образом, тенденция сокращения смертности (как из-за изменения половозрастного состава населения, так и в силу инерционных последствий улучшения жизни в 2000-е годы) сохранилась (в первой половине 2009 года смертность составляла 14,6 промилле), а тенденция повышения рождаемости (по тем же причинам) прекратилась (в первой половине 2009 года рождаемость составляла 12,1 промилле).

Безусловным позитивным явлением стало заметное снижение младенческой смертности (это обобщающий показатель качества жизни, хотя он, похоже, фальсифицируется, хотя и не так сильно, как убийства): с 8,1 на тысячу (промилле) родившихся живыми в первой половине 2009 года до 7,6 промилле в первой половине прошлого года и до 7,1 промилле в аналогичном периоде текущего года.

Демографическая ситуация в стране определяется сочетанием собственно демографических факторов, являющихся исключительно долгосрочными и крайне инерционными, с последствиями социально-экономической политики государства, способных при значительных и рациональных усилиях весьма существенно и долговременно корректировать «демографические волны».

Эти «волны» связаны с численностью различных поколений и изменением их отношения к деторождению в силу изменения их об-

раза жизни (например, массовый переезд из деревень в города в ходе индустриализации и развития общества потребления объективно ведет к существенному снижению рождаемости и получил даже название «демографического перехода»).

Вместе с тем тезис российской либеральной пропаганды, по которому демографическая ситуация не поддается сознательной корректировке со стороны государства, а любое стимулирование рождаемости ведет к последующему компенсационному ее падению, представляется большой циничной ложью, призванной прежде всего оправдать продолжающуюся демографическую катастрофу.

Частным случаем этой лжи является обоснование естественности снижения рождаемости в России ее снижением в развитых странах Европы и представление российской демографической катастрофы в качестве доказательства прогресса российского общества и его поступательного продвижения в лоно европейской цивилизации.

Оставив в стороне сугубо бытовые, прагматические возражения (вроде очевидной ненужности «цивилизации», продвижение к которой означает вымирание), отметим прямое противоречие этого подхода реальности. Ведь, если в развитых странах женщина в среднем имеет столько детей, сколько хочет, россияне, по данным Левады, имеют на одного ребенка меньше, чем хотят (среднее число детей, которое, по их мнению, должно быть в семье, составляет 2,5 ребенка, а реальное – 1,5 ребенка¹). Этот один ребенок на семью и составляет разницу между объективным снижением рождаемости, вызванным урбанизацией и формированием общества потребления, и итоговым снижением рождаемости, вызванным, в дополнение к объективным факторам, еще и негативной государственной политикой.

Классическими примерами негативного влияния политических процессов на демографию являются последствия Великой Отечественной войны и либеральных реформ, которые для нашей страны вполне сопоставимы. Почти двукратное падение рождаемости в сочетании с почти двукратным ростом смертности в начале 90-х годов, получившее название «русского креста», совершенно явно, просто в силу своей стремительности не может быть вызвано никакими объективными причинами и просто в силу своей статистической однозначности полностью разоблачает либеральную ложь.

Неверие добросовестных либералов (как бы мало их ни было) в возможность сознательного улучшения демографической ситуации целиком и полностью обусловлено ограниченностью самого либерализма: поскольку его идеологические догмы носят противоестественный для нормального человеческого существа характер, давая

¹ <http://semya.globl.ru/publ/18-1-0-300>

мые им рецепты, действительно, в принципе не способны привести к улучшению демографической ситуации.

Но это касается не любой политики государства как таковой, а лишь его разрушительной, либеральной политики.

Человек, будучи частью живой природы, всецело подчиняется ее объективным законам: попав в благоприятные, соответствующие его природе (а не личным гедонистическим предрассудкам, что принципиально) условия, он, как и любой другой биологический вид, начинает бурно приумножаться. Создание таких благоприятных условий и есть не только идеальная, но и вполне реальная, достижимая практически цель государства; не стоит забывать лишь, что в силу социальной природы человека и условия, соответствующие его природе, должны носить в первую очередь социальный характер.

Непосредственная причина вымирания России заключается в невыносимых социально-экономических условиях, в которых искусственно удерживается ее население.

По данным центра Левады, летом 2011 года лишь 16% россиян обладали уровнем потребления, характерным для «среднего класса», то есть не испытывали нехватки денег для покупки товаров длительного потребления. 83% россиян такую нехватку испытывали, то есть были бедными (в том числе 8% испытывали нехватку денег на покупку еды, а 28% - на покупку одежды).

При этом в 2011 году наблюдается даже некоторое ухудшение ситуации. Так, по данным Росстата, реальные доходы населения снизились в первом полугодии на 1,4%. А в I квартале 2011 года, несмотря на беспрецедентно благоприятную внешнеэкономическую конъюнктуру (цена нефти устойчиво превышала 110 долл/барр), численность населения с доходами ниже прожиточного минимума выросла по сравнению с аналогичным периодом прошлого года на 2,3 млн.чел.. «Новые нищие» составили, таким образом, третий по численности населения город России.

Социально-экономические условия ведут и к ухудшению общественного здоровья, усугубляемого последовательным уничтожением системы здравоохранения (и тем более системы обеспечения безопасности потребительских товаров) в рамках либеральных реформ в целях превращения ее из системы укрепления здоровья людей в механизм извлечения прибыли из их болезней. (Точно так же в интересах бизнеса, как законного, так и преступного, целенаправленно разрушается государством и общественная мораль, что имеет столь же пагубные последствия для демографической ситуации.)

Наиболее наглядно о разрушении общественного здоровья свидетельствует прекращение акселерации молодежи и снижение среднего роста призывников (до того массовое снижение роста це-

лого народа на протяжении жизни одного поколения отмечалось лишь в Северной Корее), однако оно сильнейшим образом проявляется и в репродуктивной сфере. Так, по данным главного акушера-гинеколога России В.Кулакова, 15% семейных пар в России страдает бесплодием, и их число увеличивается.

Вместе с тем жизнь человека определяется далеко не только материальными факторами; психологический климат в обществе не менее важен для его благополучия, чем уровень жизни и уверенность в завтрашнем дне (также отсутствующая в России). Человеку нужны не только благосостояние, но и чувство принадлежности к чему-то большему, чем он сам, - некая «сверхзадача», вне зависимости от ее реалистичности и адекватности, - а также ощущение справедливости, соответствия повседневных правил жизни принятым в данном обществе моральным установкам.

Без этого человек просто вымирает, – что мы и видим. Лишенные смысла жизни и перспектив, россияне массово уничтожают себя – не только самоубийствами, наркотиками и алкоголем, но и проявляющейся в гомерических масштабах бытовой неосторожностью. Это не менее важный фактор продолжающейся демографической катастрофы, чем искусственная бедность, неуверенность в завтрашнем дне, разрушение морали и общественного здоровья.

Наглядное улучшение ситуации в 2000-е годы было вызвано ростом уровня жизни за счет нефтедолларов, просыпавшихся обществу с пиршественного стола коррумпированной бюрократии и олигархии, реализации части отложенных в 90-е рождений, а также вступлению в фертильный возраст родившегося благодаря снижению пьянства из-за «сухого закона» поколения «детей Горбачева».

Однако к настоящему времени все эти резервы исчерпаны:

- коррупционные аппетиты растут быстрее цен на нефть, сокращая доходы населения (которые рассматриваются правящей тусовкой как законная добыча),
- социальная сфера последовательно разрушается (новый виток ее уничтожения намечен на 1 июля 2012 года, когда после инаугурации следующего президента вступит в действие закон «О бюджетных организациях»),
- отложившие рождение ребенка в нищете и ужасе 90-х либо родили детей, либо утратили способность к деторождению,
- «поколение Горбачева», попав в неблагоприятные социально-психологические, а во многом и экономические условия, в демографическом плане выдохлось (хотя в политическом, будучи самым многочисленным из ныне живущих поколений, себя покажет, - как в демократической революции конца 80-х – начала 90-х

показало себя самое многочисленное тогда поколение послевоенных «бэби-бумеров»).

Это обуславливает неизбежность нового витка ухудшения демографической ситуации в России, - как минимум, в 2010-е годы.

2. РЕГИОНАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ

Главный показателем демографического положения страны - естественный прирост населения. Но, обобщая динамику рождаемости и смертности, он затушевывает многие принципиально важные тенденции, особенно важные при сопоставлении различных регионов. Поэтому, помимо естественного движения, пристальному изучению подлежат также рождаемость и смертность.

Рассматривая демографическое положение страны не в узком, а в широком смысле, мы должны учитывать дополнительные факторы, свидетельствующие о склонности населения к деторождению и самой жизни и тем самым позволяющие не только фиксировать настоящее, но и оценивать будущее. Это качество жизни (ключевой показатель - младенческая смертность), ее безопасность для населения (о которой свидетельствует смертность от внешних причин) и прочность семьи (характеризуемая соотношением браков и разводов). Помимо прочего, эти показатели характеризуют и качество населения.

Поскольку в данном разделе основной интерес представляет сопоставление демографического положения различных регионов России, рассмотрение самих демографических показателей дополняется сравнением этих показателей и их динамики со среднероссийским уровнем.

2.1. Естественное движение населения, рождаемость и смертность

Говоря о предстоящем ухудшении демографической ситуации, нельзя не отметить демографического эха катастрофы прошлого лета, связанной с лесными пожарами и, по сути дела, химической атакой на ряд российских городов и населенных пунктов.

Августовская смертность превысила прошлогодний уровень на 45 тыс.чел. (составив 195 тыс. в 2010 году против 150 тыс. в 2009 году), июльская – почти на 15 тыс.чел. при том, что обычно отклонение месячной смертности не превышает 5 тыс.чел.. Таким образом, можно предположить, что летняя жара, пожары и, главным образом, чудовищное по своему цинизму бездействие государства (которое и привело наряду с уничтожением системы охраны лесов в интересах бизнеса к катастрофическим последствиям жары) вызвали смерть не менее 50 тыс.чел., которые при прочих равных обстоятельствах должны были жить дальше.

Существенно, что в целом в 2010 году умерло на 20,5 тыс. чел. больше, чем в 2009. Таким образом, без засухи смертность в

России снизилась бы в 2010 году по сравнению с 2009 годом на 30 тыс. случаев, что вместо роста по сравнению с 2009 годом на 1,0% означало бы снижение на 1,5% - очень значительный для инерционных демографических показателей уровень.

Поскольку это повышение смертности в основном вызвано последствиями целенаправленной либеральной политики государства, говорить о его случайном характере невозможно.

В первой половине 2011 года средние данные естественной убыли, которые в целом соответствуют уровню 2010 года (2,0 человека на тысячу живущих), маскируют неравномерность демографической ситуации: при общем превышении числа умерших над родившимися в 1,17 раза (для сравнения: 1,21 раз в первой половине 2009 и 1,16 раза – в первой половине 2010 года), в 21 наиболее интенсивно вымирающем регионе превышение составило 1,5-2,2 раза.

Естественный прирост населения наблюдается лишь в 20 регионах, как и в первой половине прошлого года.

Значительная убыль населения (коэффициент более 6,0 на 1 тыс.чел.) наблюдалась в первой половине 2011 года в 17 регионах (из которых лишь Мордовия является формально национальной республикой и во всех преобладает русское население), очень значительная (от 7,0 промилле) – в 11 регионах: Псковской (-10.5), Тульской (-9.3), Тверской (-9.0), Новгородской (-8.6), Тамбовской (-8.0), Ивановской (-7.8), Владимирской (-7.5), Смоленской и Рязанской (по -7.4), Воронежской (-7,1) и Ленинградской областях (-7,0).

Значительный естественный прирост населения (коэффициент более 2,0 на 1 тыс.чел.) наблюдался в 15 регионах, из которых лишь Тюменская область (без учета округов) не являлась национальным образованием. Очень значительный естественный прирост населения (более 3 промилле) наблюдался в 13 регионах: Калмыкии (3,3 промилле), Тюменской области (3.3), Бурятии (3.4), Кабардино-Балкарии (3.9), Ненецком АО (4.6), Якутии (7.4), Республике Алтай и Ханты-Мансийском АО (по 9.4), Ямало-Ненецком АО (9.9), Дагестане (10.4), Тыве (14.7), Чечне (21,2) и Ингушетии (22,4 промилле). Таким образом, в 4 регионах естественный прирост населения превысил 1%, а в Чечне и Ингушетии – 2%.

Заслуживает внимание феномен Тувы с высокой рождаемостью при том, что более 60% детей там рождаются вне брака; вероятно, среди населения этой республики «в составе Российской Федерации» широко распространено многоженство.

При сохранении естественной убыли населения в целом на уровне января-июня 2010 года естественное движение населения ухудшилось в 31 регионе. Значительное ухудшение (коэффициент естественного движения населения уменьшился на 0,5 на 1 тыс.чел.

населения или более) произошло в 11 регионах: в Курганской (с -3,6 до -4.1), Белгородской (с -3,5 до -4.0) областях, Адыгее (с -2,3 до -2.9), Амурской области (с -1,9 до -2.5), Северной Осетии (с +2,9 до +2.3), Ненецком АО (с +5,3 до +4.6), Краснодарском (с -2,1 до -2.9) и Ставропольском (с -1,3 до -2.1) краях, в Калмыкии (с +4,2 до +3.3), Дагестане (с +11,4 до +10,4) и Башкирии (с +0,6 до -0,6 промилле).

Наибольшая рождаемость в первой половине 2011 года наблюдалась в Чечне (26,6 детей на тысячу населения при средне-российском уровне в 11.9), Ингушетии (26.5), Тыве (26.1), Республике Алтай (22.0), Якутии (16.6), наименьшая – в Ленинградской (8.2), Тамбовской (8.8) областях, Тульской области и Мордовии (по 9.0), а также в Воронежской области (9,4).

Наибольшая смертность наблюдалась в Псковской области (20,4 человека на тысячу жителей, то есть умерло более 2% населения, - при средней российской смертности в 13,9 человек на тысячу), Тверской (19.3), Новгородской (19.0), Тульской (18.3), Владимирской, Ивановской и Курской (по 17,6) областях, наименьшая – в Ингушетии (4.1), Чечне (5.4), Ямало-Ненецком АО (5.5), Дагестане (5,8) и Ханты-Мансийском АО (6,7). Вымирают традиционные русские области, даже с развитой промышленностью, а наименьший уровень смертности наблюдается в богатых и молодых в силу недавнего освоения «газовом» и «нефтяном» АО и кавказских республиках, получающих максимальные финансовые средства России.

2.2. Младенческая смертность

Младенческая смертность, являющаяся обобщающим показателем качества жизни, в первой половине 2011 года продолжила неуклонное снижение – с 8,1 на тысячу родившихся в первой половине 2009 года до 7,6 в январе-июне 2010 и 7,1 в аналогичном периоде текущего года. Казалось бы, чем меньше детей, тем сильнее их должны беречь, тем ниже должна быть младенческая смертность. Но эта корреляция на практике низка: ключевым фактором, вероятно, является уровень культуры и ответственности регионального руководства и, в ряде случаев, населения в целом (а также климат).

Низкий уровень младенческой смертности (6,1 на тысячу родившихся и менее) наблюдается в 30 регионах России, в том числе очень низкий (5,1 и менее) – в 9 регионах: Чувашии и Санкт-Петербурге (по 3.6), Тамбовской (3.7), Тюменской без АО (4,5) и Белгородской (4,7) областях, Республике Коми (4.8), Смоленской и Калининградской областях (по 4,9) и Сахалинской области (5,0).

Высокий уровень младенческой смертности (8,1 промилле и более) наблюдается в 22 регионах, в том числе очень высокий (9,1 и выше) – в 19 регионах. Это Курская область (9.1), Хабаровский край

(9.4), Волгоградская (9.5), Новгородская (9.8), Курганская (9.9), Мурманская (10.0), Амурская (10,3) области, Ямало-Ненецкий АО (10.4), Приморский край и Северная Осетия (по 10.5), Республика Алтай (10.7), Камчатский край (11.2), Ингушетия (12.4), Чукотский АО (13.3), Дагестан (13.7), Ненецкий АО (14.4), Тыва (14.8), Еврейская АО (14,9) и Чечня (16,5). Таким образом, в 14 регионах России в первый год жизни умирает 1% и более родившихся детей.

Несмотря на общее (и весьма существенное) снижение младенческой смертности в 30 регионах (включая Москву) она выросла, а еще в 2 – осталась на прежнем уровне. Значительный рост (более чем на 1 промилле) наблюдался в 13 регионах, где произошло либо падение качества жизни, либо ускоренная деградация системы здравоохранения. Это Камчатский (с 10,0 до 11.2) и Краснодарский (с 4,6 до 5,9) края, Томская область (с 6,3 до 7.6), Тыва (с 12,8 до 14.8), Орловская область (с 6.6 до 8.7), Адыгея (с 4,7 до 7.1), Ивановская область (с 6,0 до 8.6), Чечня (с 13,6 до 16.5), Новгородская область (с 6,7 до 9.8), Еврейская АО (с 10,7 до 14.9), Северная Осетия (с 6.7 до 10.5), Мурманская область (с 6,1 до 10,0) и Ненецкий АО, где, похоже, произошло нечто невообразимое, так как младенческая смертность выросла с 5,7 до 14,4 промилле, то есть более чем в 2,5 раза.

Аналогичным образом отклоняющееся от общероссийской динамики снижение младенческой смертности (более чем на 2 промилле) наблюдается в 10 регионах. Это Сахалинская область (с 7,2 до 5,0 промилле), Калмыкия (с 8,7 до 6.0), Красноярский край (с 10,4 до 6.9), Амурская (с 13,9 до 10,3) и Магаданская области (с 10,5 до 6.7), Псковская область (с 9,9 до 5.7), Ямало-Ненецкий АО (с 14,6 до 10.4), Рязанская область (с 10,2 до 5.6), Карачаево-Черкесия (с 13,6 до 7,8) и Чукотский АО (с 20,1 до 13,3).

2.3. Насильственные смерти

Все смерти, деликатно именующиеся в статистике «смертями по внешним причинам» (убийства, самоубийства, отравления некачественным алкоголем, транспортные происшествия и иные несчастные случаи), являются по сути своей насильственными. При абсолютной случайности большинства из них их общий уровень выражает уровень риска для жизни и, соответственно, степень опасности того или иного региона для его жителей.

Число погибших от «внешних причин» в расчете на 100 тыс. чел. снизилось в первой половине 2011 года на 7,5% - до 131,4 по сравнению со 142,1 в аналогичном периоде прошлого года.

Наиболее безопасными (для своих жителей, что принципиально) регионами России являются Чечня (26,6 погибших от «внешних причин» на 100 тыс. жителей), Ингушетия (44.0), Москва (53.0), Да-

гестан (56,3), Северная Осетия (71,0) и Нижегородская область (71,1). Наиболее опасные для своих жителей территории нашей страны – Тыва (361,9 погибших от «внешних причин» на 100 тыс.чел.), Республика Алтай (269,8), Еврейская АО (256,4), Амурская область (251,3) и Забайкальский край (250,9).

Наибольшее повышение уровня безопасности наблюдалось в первой половине 2011 года по сравнению с аналогичным периодом прошлого в Москве (смертность от «внешних причин» снизилась на 23,9%), затем идут ненецкий АО (на 22,8%), Ленинградская область (на 20,9%), Карачаево-Черкесия (на 18,8%), Калининградская (на 18,6%) и Омская (на 18,5%) области.

Наибольший рост уровня опасности повседневной жизни и, соответственно, наибольшее увеличение смертности от «внешних причин» наблюдается в самом безопасном для своих жителей регионе России – Чечне (на 30,4%). Далее идут Ямало-Ненецкий АО (на 15,5%), Кабардино-Балкария (на 11,4%), Амурская область (на 5,4%), Калмыкия (на 5,1%), Красноярский край (на 4,5%) и курганская область (на 4,4%).

Рост уровня и высокий уровень опасности оказывает негативное влияние на демографические перспективы любой территории.

2.4. Браки и разводы

Отношение числа разводов и браков характеризует прочность семейных отношений, что оказывает значительное влияние на демографические перспективы людей человеческой общности.

Одним из ярчайших проявлений демографического неблагополучия России и античеловеческого характера уничтожающих ее вот уже более 20 лет либеральных реформ является практически неуклонный рост как численности детей, рожденных вне брака, так и их удельного веса в общей численности рождающихся детей: с 14,6% в 1990 и 18,2% в 1993 году (когда численность рожденных детей, упав с 1.988,9 тыс. в 1990 до 1.379,0 тыс., достигла минимума) до 26,1%² в 2009 году (когда было рождено 1.761,7 тыс. детей). Общее количество внебрачных детей составляло, соответственно, 290,6, 250,7 и 459,3 тыс..

Прочность семьи в первой половине 2011 года незначительно снизилась: число разводов на 1 тыс. заключенных браков после резкого снижения в 2010 году выросло на 1,0% - с 670 до 677.

² Это среднероссийский показатель; в Тыве, напомним, формально вне брака рождается более 60% детей, - хотя в данном регионе это, скорее, свидетельствует не столько о разрушении семьи, сколько о возврате к ее патриархальной модели, не соответствующей российскому законодательству.

Наибольшее число разводов на тысячу заключенных браков наблюдается в Чукотском АО (1070, то есть разводов больше, чем свадеб), а также Ленинградской (953), Магаданской (952), Астраханской (878), Сахалинской (867), Иркутской (816), Воронежской (812) и Калужской (806) областях, наименьшее – в Чечне (107), Ингушетии (136), Дагестане (226), Тыве (387), Кабардино-Балкарии (445), Северной Осетии (455) и Карачаево-Черкесии (528).

Максимальный рост числа разводов на тысячу заключенных браков, то есть максимальное ослабление семьи наблюдается в регионах с тяжелыми природно-климатическими условиями (где, по-видимому, условия жизни наиболее тяжелы), но в значительной степени и там, где она наиболее сильна – в республиках Северного Кавказа (возможно, из-за разложения архаичной форм семьи). Наибольший рост числа разводов на тысячу браков наблюдается в Ингушетии – на 28.3%, далее идут Чукотский АО (27.1%), Иркутская (23.1%) и Астраханская (17.2%) области, Хакасия (16.8%), Магаданская область (16.7%), Северная Осетия (16.6%), Карачаево-Черкесия (13.1%), Амурская область (12,6%) и Чечня (11,5%).

Наибольшее укрепление семьи наблюдается в Красноярском крае (число разводов на тысячу браков снизилось на 18.1%), Мордовии (на 10.9%), Рязанской (на 8.5%), Нижегородской (на 8.2%), Ульяновской (на 7.0%) областях, Татарстане (на 6.3%), Ростовской (на 6.0%), Самарской (на 5.9%), Костромской (на 5,2%) и Белгородской областях (на 5,0%).

2.5. Текущая демографическая ситуация: наиболее и наименее благополучные регионы России

Сопоставление отклонения от среднероссийского уровня рождаемости и смертности, а также младенческой смертности, смертности от «внешних причин» и прочности семьи позволяет выделить наиболее и наименее демографически благополучные регионы.

Наиболее благополучными следует признать: Чечню (индекс текущего демографического состояния³ составляет 238.8, то есть превышает среднероссийский уровень почти в 2,4 раза), Ингушетию (229.9), Дагестан (163.9), Тыву (152.0), Кабардино-Балкарию (134.9), Ханты-Мансийский АО (134.5), Москву (132.5), Санкт-Петербург (129.0), Северную Осетию (121.4), Карачаево-Черкесию (121,2).

Наименее благополучны с демографической точки зрения Еврейская АО (72.7), Чукотский АО (75.2), Приморский край (78.2), Амурская (79.1), Новгородская (79.5), Тверская (81,2) и Курганская

³ Метод расчета этого и других используемых индексов см. в статистическом приложении к настоящему докладу

(82,4) области, Ненецкий АО (83,6), Псковская (83,8) и Брянская (84,8) области.

Однако рассмотрение лишь текущей демографической ситуации недостаточно; не менее важно учитывать и ее изменение, которое отражает индекс динамики демографического состояния.

Наиболее серьезные улучшения демографической ситуации (что не означает ее удовлетворительный характер сам по себе, напротив – чем хуже дело, тем заметней даже небольшие улучшения) наблюдались в первой половине 2011 года в Рязанской области (индекс равен 114,5), Карачаево-Черкесии (110,7), Псковской области (109,5), Красноярском крае (109,4), Санкт-Петербурге (109,0), Тюменской области без АО (106,5), Мордовии (106,4), Чувашии (105,4) и Нижегородской области (105,1), а также Магаданской области и Забайкальском крае (по 104,6).

Наихудшая динамика демографической ситуации (что не означает ее катастрофичности, но свидетельствует лишь о характере и глубине изменений) наблюдалась в Чукотском АО (индекс динамики демографического состояния – 68,4), Ненецком АО (82,5), Еврейской АО (85,9), Чечне (86,7), Северной Осетии (87,1), Кабардино-Балкарии (89,9), Мурманской области (90,2), Адыгее и Нижегородской области (по 90,9), Орловской области (92,4).

Ухудшение демографической ситуации на Северном Кавказе может стать фактором обострения как национальных отношений в России, так и отношений российской государственности с клановой государственностью, форсировано формирующейся в настоящее время в некоторых республиках Северного Кавказа.

Совмещение индексов текущей демографической ситуации и ее динамики позволяет вывести общий, итоговый индекс демографического положения регионов (как их среднее арифметическое).

Регионы России с наилучшим демографическим положением (указан итоговый индекс демографического положения):

1. Ингушетия – 151,9
2. Чечня – 143,9
3. Дагестан – 126,9
4. Тыва – 118,9
5. Санкт-Петербург – 118,6
6. Москва – 117,3
7. Карачаево-Черкесия – 115,8
8. Ханты-Мансийский АО – 114,3
9. Омская область – 110,6
10. Красноярский край – 110,4.

Регионы с наихудшим демографическим положением:

1. Чукотский АО – 71,7

2. Еврейская АО – 79,0
3. Ненецкий АО – 83,0
4. Нижегородская область – 85,0
5. Приморский край – 86,3
6. Камчатский край – 86,8
7. Курганская область – 87,4
8. Амурская область – 88,5
9. Орловская область – 89,0
10. Ивановская область – 89,4.

3. ВЛИЯНИЕ ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ ДИНАМИКИ НА СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКУЮ ПОЛИТИКУ И БУДУЩЕЕ РОССИИ

Негативная демографическая ситуация и ее резкое ухудшение в результате завершения вхождения в активную жизнь «поколения Горбачева» оказалась полной неожиданностью для системы управления, ориентированной на уходящую демографическую структуру общества. В результате эта система начала захлебываться, как мотор без топлива; только ей не хватает населения.

Наиболее ярким примером служат армия (в которой нарастающее падение численности призывников, и тем более здоровых призывников) наблюдается с 2007 года и система образования, рынок которого начинает «схлопываться», оставляя без работы значительную часть преподавателей недобросовестных «вузов» и усугубляя объективно присущей этой системе монополизм.

С каждым годом обостряется проблема обезлюживания (как в силу вымирания, так и в результате бегства населения) Сибири и Дальнего Востока, которая может привести к утрате контроля за этими территориями уже на жизни нашего поколения.

Сокращение численности молодежи в сочетании с частичным восстановлением продолжительности жизни увеличивает социальную нагрузку на нее. Хотя пенсионный кризис в настоящее время вызван отсутствием должного контроля за пенсионными средствами и запретительно высоким налогообложением основной массы россиян (по безумному принципу «чем человек беднее, тем больше он должен платить»), рост реальной социальной нагрузки уже носит болезненный характер (в частности, когда один молодой человек должен, по сути, содержать двух своих родителей, которым государство отказывает в достаточной для выживания пенсии).

Сокращение удельного веса молодежи и увеличение - пожилых людей меняет социально-психологический климат, дополни-

тельно усиливает создаваемую античеловеческой либеральной политикой атмосферу деструкции и увядания.

Однако все это – лишь частные проявления неспособности системы управления и, шире, всего общества к условиям заметного сокращения численности людей, драматического сокращения молодежи и росту удельного веса старших поколений.

Другой, и значительно более глубокой проблемой является драматическое, стремительное изменение этнокультурного баланса, меняющего само лицо России.

Масштабы этого изменения вполне наглядно видны из сопоставления наиболее быстро вымирающих и прирастающих населением регионов. Более того: даже в традиционных «русских» регионах значительная часть прироста населения обеспечивается переселенцами с Кавказа и Средней Азии (в частности, столкновение со школьниками, не владеющими русским языком и не желающими подчиняться женщинам-учителям, часто при полной поддержке своих родителей, стало кошмаром значительной части как учителей, так и родителей, дети которых ходят в соответствующие школы).

Политические последствия этого продолжающегося демографического перелома, лишь усугубляемого последовательно проводимой (прежде всего в силу коррупционных интересов и стремления к снижению издержек за счет почти рабского труда гастарбайтеров) использования политикой правящей бюрократии, представляются вполне очевидными. Весьма вероятно, что уже на нашей памяти на смену социальному противостоянию в России придет противостояние, хотя и не национальное, но этнокультурное – и это будет означать колоссальный шаг в деградации и архаизации всего российского общества.

Сокращение численности русской по культуре молодежи сопровождается ростом молодежи иных этнокультурных групп. Поскольку «новая молодежь» несет социальную нагрузку в значительно меньшей степени (в силу нетрадиционного для России образа жизни, обуславливаемого этнокультурным отличием от традиционных российских норм), это повышает социальную нагрузку на добросовестную часть общества и способствует ее размыванию. Другое следствие – возникновение объективного основания для форсированного уничтожения социальной сферы, о котором в коррупционных интересах грезит правящая тусовка.

Общее снижение удельного веса молодежи вроде бы повышает стабильность общества, уменьшая вероятность «арабской весны». Однако в этнокультурных группах, склонных к изоляции от российского общества, доля молодежи, напротив, стремительно растет; в результате естественное для молодых ниспровержение порядков

может произойти (и отчасти уже происходит) в этих этнокультурных группах – с фокусировкой руководителями этих групп на остальной, традиционной и при этом стареющей части российского общества.

Очень показателен категорический протест руководителя Союза таджиков России (бывшего подполковника Советской армии, почти всю свою жизнь прослужившего в Московском военном округе) против идеи экзамена по русскому языку для прибывающих в Россию таджиков. По сути дела, это стремление обеспечить бесправие своих земляков, так как без знания языка они не только оказываются рабами, но и не в состоянии осознать свое положение и получить хотя бы теоретическую информацию о своих правах. Это бесправие крайне выгодно руководству диаспор, которые, по сути дела, оказываются новыми рабовладельцами и строят собственные изолированные властные структуры в теле российского общества. При этом они с легкостью могут использовать растущее внутри этих диаспор напряжение (в том числе из-за жестокой эксплуатации основной массы их членов) против остального общества, для отвоевывания себе как лидерам диаспор дополнительного влияния и преференций.

Постепенно формируется новое общественное противоречие, которое грозит стать основным для России: между стареющими носителями русской культуры и профессиональных навыков, с одной стороны, и молодой «ликующей гопоты» и этнических кланов, опирающихся на молодую же и во многом криминальную «пехоту», с другой.

Его вызревание кардинально ускоряется тем, что изменения в составе элиты идут значительно быстрее, чем в массе населения в целом: сплоченные этнические кланы стремительно «вычищают» из власти разрозненных горожан даже там, где составляют незначительную часть населения (классическим примером является Адыгея, где доля «коренной национальности» лишь немногим превышает четверть населения).

Поскольку общество, подчиняясь элите, принимает ее обычаи и правила, это ведет к стремительной архаизации социального устройства, классическим проявлением которой стала расцветшая не более чем в 2000-е годы клановость и открытое назначение молодых детей высокопоставленных руководителей на ответственные должности, для которых те гарантированно не имеют нужного опыта.

Образованные носители русской культуры выдавливаются из страны созданием для них невыносимых коррупционных и клановых условий, с которым несовместима традиционная для русской технологической и управленческой культуры нацеленность на общественно значимый результат.

Следствие - **утрата Россией русского лица**, качественное изменение ее не только этнического, но и культурного состава: «старые мехи» российской территории наполняет «новое вино» в лице представителей кавказских и азиатских народов.

Утрата культуры в общечеловеческом плане неминуемо аукнется и в технологической сфере. Социальная и этническая архаизация неминуемо приведут к продолжению и углублению идущей 20 лет технологической деградации, которая может приобрести качественный характер в виде крупномасштабных техногенных катастроф даже без серьезных столкновений на этнокультурной почве.

4. НЕКОТОРЫЕ НЕОБХОДИМЫЕ МЕРЫ ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ

Принципиально важно понимать, что в силу комплексного характера демографических проблем их решение невозможно без оздоровления всего общества.

Безусловно, современное стимулирование рождаемости «материнским капиталом», который нельзя использовать в наиболее тяжелые первые три года воспитания ребенка и в принципе нельзя использовать на наиболее насущные нужды (например, питание и лечение), представляет собой издевательство над материнством и детством. Не случайно, по некоторым оценкам, наибольший отклик это нововведение вызвало у заключенных, не имеющих доступа к полной информации, что привело к рождению в местах лишения свободы целого «поколения Медведева».

Ограничение пособия по беременности, приведшее к широким и публичным протестам беременных женщин, также является одним из ярких примеров государственного издеательства над материнством.

Стимулирование рождаемости должно осуществляться только в регионах с дефицитом населения и заключаться прежде всего в выплате регулярного пособия, достаточного для ухода за ребенком, по крайней мере, в первые годы его жизни.

Однако оно окажет лишь незначительное влияние без оздоровления социальной среды в целом, что требует полного прекращения либеральных реформ и восстановления разрушенной ими социальной сферы (в первую очередь доступного здравоохранения и образования).

Создание для детей человеческих условий требует искоренения хотя бы нищеты, то есть гарантирования государством реального (а не издевательски заниженного) прожиточного минимума.

Нормализация межнациональных отношений, прекращение вытеснения носителей русской культуры с рынка труда (а значит, и из жизни) дешевым трудом гастарбайтеров требует, как минимум, кардинального ограничения коррупции.

Возвращение смысла жизни значительным массам россиян требует создания привлекательных рабочих мест и модернизации экономики. А это немыслимо без ограничения произвола монополий, разумного протекционизма (хотя бы на уровне Евросоюза, так как почти все, что мы делаем руками, Китай делает дешевле) и лишь затем – комплексную модернизацию всей технологической инфраструктуры.

И лишь после этого (или, как минимум, на фоне этих преобразований) имеет смысл осуществлять целевые меры по повышению рождаемости и снижению преждевременной смертности.

Заключение. ВОЗМОЖЕН ЛИ ПЕРЕЛОМ НЕГАТИВНЫХ ДЕМОГРАФИЧЕСКИХ ТЕНДЕНЦИЙ БЕЗ СМЕНЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО СТРОЯ?

Негативные демографические тенденции, как было показано выше, лишь в сравнительно небольшой степени обусловлены объективными тенденциями, связанными с формированием в России потребительского типа поведения, демографическими волнами и в целом «демографическим переходом».

Неадекватная государственная политика вызвана не фатальным недостатком интеллекта либо организационных способностей, но глубоко порочным целеполаганием: подчинением государственной машины интересам, с одной стороны, глобального бизнеса (в рамках либеральной идеологической парадигмы), с другой стороны – коррупционным интересам во многом обслуживающей этот бизнес правящей тусовки.

Сложившаяся на этой основе совокупность доминирующих над российским обществом, а во многом и в нем самом система интересов является жесткой, целостной, внутренне непротиворечивой – и не только не имеющей отношения к нуждам и потребностям российского общества, но и, насколько мы видим, в принципе не совместимой с самим его существованием.

Созданная для обслуживания этой совокупности интересов политико-административная система обладает достаточно высокой эффективностью, в критических для себя ситуациях способна проявлять гибкость, достаточно радикально трансформировать свою ор-

ганизационную структуру и даже обновлять ключевые кадры (как мы видели после дефолта 1998 года).

Она не поддается эволюционной переориентации на обслуживание интересов российского общества, не нуждается в такой переориентации и, насколько можно судить в настоящее время, не способна на нее в принципе. Вместе с тем она достаточно рациональна, чтобы защитить себя от любых посягательств тех или иных субъективных факторов, как внешних, так и внутренних для себя. Как всякий эффективный паразит, при инерционном развитии событий она будет существовать до полного исчерпания сил своей жертвы, после чего погибнет вместе с ней или чуть позже, выйдя из ее тела в чуждое ей окружающее пространство. (В эмиграции она не только не сохранится как система управления, но и, не будучи защищена своей политической властью над Россией, скорее всего, падет жертвой антикоррупционных расследований).

Для перелома негативных демографических тенденций необходимо прекратить уничтожение России при помощи либеральных реформ и начать активно проводить социально-экономическую политику, нацеленную на интересы не глобального бизнеса и коррумпированной правящей тусовки, но самого российского общества.

Это потребует изменения самой системы целеполагания российской государственности, что означает ее кардинальное оздоровление и преодоление ситуации, когда почти повсеместная и практически не скрывающаяся коррупция производит впечатление не преступления, но основы государственного строя.

Такое изменение представляется возможным в условиях системного кризиса, к которому данная управляющая система неминуемо приведет страну. Утратив управление в условиях развертывания нескольких из четырех базовых кризисов российского общества (нехватка средств из-за растущей коррупции, межнациональный кризис, разрушение технологического наследия советской цивилизации, внутрибюрократический межклановый конфликт), ключевая часть управляющей системы покинет страну, не желая рисковать интересами своих выведенных за рубеж активов.

Это приведет к фактическому разрушению сложившейся системы и создаст условия для ее реформатирования и переориентации на интересы российского общества.

Всесторонняя подготовка к этому моменту должна быть главным делом всех ответственных сил и элементов современного российского общества.

*Доклад Института проблем глобализации. 16 августа 2011 г.
Публикуется на www.intelros.ru по согласованию с автором.*

